

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 342

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ И ПРИНЦИПЫ КОНСТИТУЦИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗЛИЧЕНИЯ ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

канд. юрид. наук, доц. А. Н. ПУГАЧЁВ
(Полоцкий государственный университет)

Рассматриваются причины многозначности термина «принцип», основные методологические подходы к изучению проблемы принципов в юридической литературе. В основе исследования – необходимость различения принципов как правовых установлений (норм) и принципов как правовых идей (начал), воплощенных в доктринальных построениях. В зависимости от значимости системообразующей роли принципов приведены наиболее распространенные классификационные характеристики. Основное внимание уделяется принципам конституционного строя, проблемам их систематизации. Конституционные принципы в преломлении на Основной Закон Беларуси рассматриваются в политической, социальной, экономической и юридической сферах. Как показано на конкретных примерах, конституционные принципы-идеи, будучи не закрепленными в тексте Основного Закона, реально предопределяют содержание всех норм системы права.

Введение. В правоведении понимание принципов как основополагающих, руководящих идей (начал) общепризнанно. Словарь термин *принцип* (лат. *principium*) определяет как «основоположение, руководящую идею, основное правило поведения, действия» [1, с. 521]. В этом определении выражена специфика принципа как положения, которым следует руководствоваться в той или иной сфере деятельности. Дело в том, что ввиду многозначности термина «принцип» он используется вариативно: для обозначения закономерностей, требований, специфических связей явлений, тех или иных их признаков (сторон) и т.д., но общность подходов объясняется тем, что именно в принципах сущность права выражается как первооснова в виде «сгустка» определенной юридической материи. Поэтому неверно утверждать, что принципы определяют сущность права. Содержание и сущность последнего зависит от глубинных экономических, политических и культурно-цивилизационных факторов.

Основная часть. Проблема принципов получила должное отражение в юридической литературе и основные методологические подходы сформулированы достаточно четко. Например, В. М. Карташов [2, с. 75] отмечает следующее. Во-первых, в правоведении выделяются принципы, сформулированные учеными-юристами, и они выступают в виде фундаментальных идей и идеалов, отражающих достижения правовой мысли, практического опыта, объективные закономерности развития общества. Такие принципы составляют важнейшую часть научного и профессионального правосознания, юридической политики и идеологии, но они не являются обязательными для субъектов права. Во-вторых, в виде относительно самостоятельных элементов в системе права обособляются принципы, под которыми следует понимать исходные нормативно-руководящие начала (императивные требования), определяющие общую направленность правового регулирования общественных отношений. В преломлении на конституционную плоскость о них и пойдет речь, хотя, надо признать, в трудах по юриспруденции [3, с. 163] в структуре права чаще всего различают общеправовые, межотраслевые и отраслевые принципы.

Отдавая должное исторической традиции, отметим древнее происхождение термина. Еще римляне обращали внимание на то, что «*принцип есть важнейшая часть всего*», а постклассический процесс (после 324 г.) предусматривал *principium litis* как первую стадию судебного разбирательства. Как известно, принципсом (*princeps*) именовался император, а политический режим, установленный Октавианом Августом, получил название принципата. В современном конституционном праве термин «принцип» используется очень часто. В Италии 1-я Глава Конституции так и называется – «Основные принципы», а Конституция Республики Польша в Разделе II «Свободы, права и обязанности человека и гражданина» предусматривает подраздел «Общие принципы». Основной Закон Беларуси содержит многократные упоминания данного термина (ст. 7, 8, 14, 18 и др.).

О функциональной нагрузке и роли принципов в конституционном праве пишет Н.А. Богданова: «Следует различать *принципы как правовые установления (нормы)*, получающие закрепление в нормах конституционного права, и *принципы как правовые идеи (начала)*, воплощенные в теоретических построениях науки и косвенно определяющие направление и содержание конституционно-правового регулирования. Они складываются в разных областях правовой материи: первые – в области догмы права, вторые – в сфере ее доктринального толкования, оценки права и прогнозирования его развития. Между

названными типами принципов существует неразрывная связь, предопределяемая тем, что в них раскрываются грани одного явления – конституционного права» [4, с. 168]. По своей сути любые принципы представляют собой фундаментальные идеи, которые сформулированы на основе научного и практического опыта, являясь важнейшим компонентом господствующей юридической идеологии. Однако эти идеи только тогда становятся принципами системы права, когда непосредственно (легально) находят выражение в нормативных актах.

Обратим внимание на мнение белорусского ученого Н.В. Сильченко: «...принцыпы права адначасова існуюць у дзвюх формах. Яны альбо сфармуляваны ў форме навуковых (дактрынальных) высноў, ідэй і палажэнняў навукоўцамі, альбо замацаваны ў нарматыўных прававых актах (ці іншых крыніцах права, напрыклад, дагаворах нарматыўнага зместу ці прававых звычаях і г.д.) (...) прынцыпы права, якія існуюць у форме навуковых ідэй, вывадаў і палажэнняў, складаюць толькі частку той з'явы, якую мы звыкла называем прававой навукай (дактрынай). У гэтых умовах было б нелагічна частку прававой дактрыны – прававыя прынцыпы – вылучаць у якасці самастойнай крыніцы права (...). Такім чынам, нейкай асобнай крыніцы права пад назвай «прынцыпы права» (ці прававыя прынцыпы) не існуе» [5, с. 43]. Однако в системах общего права на проблему смотрят иначе. Меняется отношение и в континентальных правовых системах.

Верно подмечено Н.А. Богдановой и то обстоятельство [4, с. 168], что принципы-идеи как логические построения, служащие началом соответствующих теорий, по содержанию богаче принципов-норм, т.к. допускают различные варианты их нормативного воплощения в рамках заложенной в них идеи. Принципы-нормы всегда конкретны, что диктуется необходимостью их реализации в четких правовых предписаниях. Г. Гаджиев уточняет: «Конституционные нормы-принципы в большей степени, чем конкретные конституционные нормы, подвержены трансформации в процессе истолкования, что и обеспечивает динамизм в развитии конституционного права» [6, с. 23]. Здесь следует учитывать фактор конституционного правосудия как важнейшего и необходимого условия в формировании системы конституционных ценностей. Например, Н.С. Бондарь убежден: «Специфика решений [конституционных судов] такова, что они имеют предметом, сферой и одновременно – инструментом своего влияния, прежде всего, *нормативные величины наиболее высокого, абстрактного уровня – общие принципы права, конституционные ценности и конституционные принципы*, получающие реализацию во всех отраслях системы действующего права» [7, с. 8].

Однако «конкретный характер» норм-принципов конституции разделяется не всеми. Например, К.Ф. Гуценко пишет о том, что в основном законе «закреплены как принципы, так и конкретные нормы» [8, с. 277]. На основе анализа Конституции Российской Федерации автор различает «конституционные предписания *принципиального положения* (курсив наш – А. П.)», а «равно конкретные нормы». Как впоследствии указано, именно реализация «принципиальных положений» неоднократно была затруднена на практике, когда неправильно решались вопросы, связанные с обеспечением прямого действия Конституции Российской Федерации. Сходные взгляды высказывает Н. С. Малеин [9], [10].

Принципы конституции наиболее близки принципам права, поскольку именно основной закон в европейских государствах является «эпицентром» правового развития. Не случайно на уровне национальных правовых систем принципы права чаще всего закрепляются в конституциях или иных фундаментальных законах, т.к. «конституция закрепляет не просто ценности, а ценности, доминирующие в иерархии всех ценностей данного общества» [11, с. 25]. Например, принцип единства прав и обязанностей легко «угадывается» в ч. 2 ст. 2 Конституции Беларуси: «Государство ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности. Гражданин ответствен перед государством за неукоснительное исполнение обязанностей, возложенных на него Конституцией». Принцип формального правового равенства четко сформулирован в ст. 22: «Все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов».

Необходимость различения в праве принципов разного рода подчеркивается и у В.М. Сырых. Автор четко разграничивает правовые принципы и принципы права: «... правовые принципы понимаются как категории правосознания, т.е. элементы правовой науки, отражающие основополагающие идеи и начала права, правового регулирования. Принципы же права составляют ту совокупность правовых принципов, которая получила закрепление в системе действующих норм права» [12, с. 63]. В этой связи целесообразно разграничивать *конституционные принципы* (принципы конституционализма) и *принципы собственно конституции*. Дело в том, что конституционные принципы – идеи не всегда фиксируются в виде конституционных формул на уровне текста основного закона, но реально предопределяют содержание норм конституционного права. Принципы, отмечал Ф.-А. Хайек [13, с. 78], могут не иметь форму явно сформулированных правил, и зачастую они эффективнее направляют действия, чем после того, когда формально определены и тут же начинаются гадания относительно их правильности и обоснованности. «Они раскрываются в таких случаях как на основе материалов, содержащихся в соответствующих законодательных текстах и юридической практике, так и за их пределами», – пишет современный автор Н.И. Козюбра [14, с. 53].

Скажем, не во всех современных конституциях идея правового государства получила свое закрепление, как то имеет место в Беларуси (ст. 1 Конституции), Германии (ст. 28 Основного Закона), Польше (ст. 2 Конституции), России (ст. 1 Конституции) и многих других странах. В то же время, например, Конституции США, Франции, Японии, не содержат в тестах формулировок о правовом государстве, т.е. в данном случае конституционная принцип-идея не нашла воплощения в конституционной норме-принципе. Однако именно эта идея в указанных странах предопределяет конституционное установление важнейших признаков правового государства (народовластие, демократизм, широкий круг прав и свобод, независимое правосудие). Иными словами, каждый из перечисленных признаков является конкретным правовым принципом – нормой и конкретизирует общий принцип-идею (принцип конституционализма) правового государства.

Это же можно сказать и в отношении конституционной идеи о разделении властей. В некоторых государствах (Беларусь, Болгария, Россия) данный принцип оформился через соответствующую норму основного закона, но не получил нормативного выражения в конституциях большинства стран, хотя именно на нем основывается организация государственной власти. В странах западной демократии, как известно, идея, положенная в основу разделения властей, проводится через нормы, разграничивающие функции органов государственной власти и предусматривающие систему мер, уравнивающих их полномочия («сдержки и противовесы»). Например, в тексте Конституции США нигде не встречается термин «разделение властей», однако данный принцип-идея проведен через все важнейшие положения Конституции и выражается он, в частности, в раздельной и последовательной регламентации правового статуса трех ветвей власти – Конгресса, Президента, Верховного Суда. Как показала история американского конституционализма, отношения между этими тремя основными органами власти фактически постоянно изменяются (достаточно вспомнить «мягкую диктатуру» Ф. Рузвельта), но сам принцип разделения властей остается незыблемым, и статьи Конституции о статусе верховных органов никогда не подвергались изменениям.

Рассмотренные примеры говорят о том, что конституционные принципы (принципы-идеи) и принципы конституции (принципы-нормы) могут совпадать, а могут и не совпадать по форме. Но не это представляется главным, т.к. в основном законе можно записать и надлежаще нормативно сформулировать максимальный набор конституционных идей, но на практике их не реализовывать. И наоборот, основной закон может быть очень «куцым» на конституционные идеи, но на практике государство их повсеместно претворяет, создавая необходимые условия для развития конституционализма.

В конституционном праве, как никакой другой отрасли, нормы-принципы получили широкое распространение. Но в отличие от иных отраслей конституционные нормы-принципы сформулированы как предельно обобщенные положения, и эта форма предполагает весьма широкое содержание. Принципы – своеобразные правовые ориентиры, обозначающие на сущностном уровне требуемое от субъектов поведение. Такой подход законодателя неизбежно «раздвигает» границы нормативного смысла принципов конституции (в других отраслях, напомним, нормы-принципы сформулированы более конкретно и определено). Правовая ценность норм-принципов не должна подвергаться сомнению, но в процессе дальнейшей нормативной конкретизации их смысл может быть интерпретирован по-разному, т.е. вполне допустимы вариативность правового регулирования и различные модели устройства государственных институтов.

Разберем теоретические положения на конкретных примерах. Воспринята ли идея правового государства в США, Германии, Франции? Ответ очевиден. Указанные страны развиваются в соответствии с канонами (принципами, признаками) правового государства. Является ли принцип «разделения властей» одним из таких канонов? С точки зрения господствующих теоретических представлений о правовой государственности ответ напрашивается утвердительный. Но так ли это на самом деле? Да, в США принцип разделения властей провозглашен и претворен в «чистом виде», но вот о Франции и Германии этого не скажешь (к слову, очень четко, с политологической точки зрения, показана абсолютная противоположность подходов к реализации принципа разделения властей в Конституции США 1787 г. и в Конституции Франции 1791 г. у В. В. Иванова [15]).

Во Франции, напомним, Декларация прав человека и гражданина от 26 августа 1789 г. является частью «некодифицированной» Конституции, где в ст. 16 торжественно провозглашено: «Всякое общество, в котором не обеспечено пользование правами и не проведено разделение властей, не имеет конституции». Более того, отмечает Оливье Бо, «данный принцип раздела властей официально признан в ряде конституционных документов: во Франции можно привести пример, помимо Декларации прав человека и гражданина, конституционного закона от 3 июня 1958 г. Он был *даже определен и признан Конституционным Советом* (курсив наш – А.П.)» [16, с. 18]. Во Франции имеется Конституция, но предполагает ли она принцип разделения властей? Нет, т.к. Президент – вне этой системы. Основной Закон ничего не говорит об отношении Главы государства к трем ветвям государственной власти, а потому непонятно, где располагается Президент – над ветвями как главенствующий политический институт или рядом как

равноправный участник политического процесса. Если государственная власть поделена на три ветви и Президент ни к одной из них не относится, то каким образом он может осуществлять государственную власть?

Система разделения властей имеет смысл лишь в совокупности с механизмом «сдержек и противовесов», когда каждая ветвь власти сбалансирована и обладает рычагами воздействия на две другие, чтобы удержать их от соблазна доминировать в политической системе. Но если президент находится вне системы разделения властей, следовательно, он находится и вне системы сдержек и противовесов, что чревато установлением единой и единственной власти главы государства. М.В. Баглай в этой связи пишет: «...никакому должностному лицу нельзя иметь основные функции и властные полномочия вне какой-либо власти» [17, с. 395]. Президентская власть в республиках такого типа имеет особую природу. Как отмечает Н.Е. Колобаева: «Президент – глава государства, следовательно, в определенном смысле его можно считать и главой государственной власти. Соответственно, глава не может быть сведен к части того, что он возглавляет. Его положение иное» [18, с. 32]. Однако невключение президента в систему разделения властей влечет за собой и невключение его в систему «сдержек и противовесов», что при довольно размытом объеме полномочий и правовом статусе (арбитр, гарант, символ нации) может привести к непомерному влиянию Президента на все ветви власти. Поэтому согласимся с С.А. Авакьяном: «...либо надо отразить в Конституции [Российской Федерации] самостоятельное существование президентской власти как отдельной формы, соизмерить ее с разделением властей, либо определить конкретное положение Президента в системе существующих трех ветвей власти» [19, с. 216]. Сказанное в полной мере относится к Армении, Беларуси, Казахстану и многим другим странам, воспринявшим «деголлевскую» модель управления. Справедливости ради отметим, что во Франции сильная президентская власть никоим образом не подорвала демократический и правовой характер этого государства, но этому есть свои объяснения. К тому же она была значительно «ослаблена» последующими (после 1958 г.) конституционными реформами.

В противовес французской модели рассмотрим пример парламентской республики в ФРГ. Казалось бы, здесь имеет место обратная ситуация ввиду незначительных полномочий Президента – Главы государства. Но вот что пишет В.Д. Зорькин: «В действительности же фактический правовой режим «канцлерской республики» в ФРГ (кстати, не только в годы дефашизации при К. Аденауэре) в чем-то даже превосходит президентскую республику, поскольку в ФРГ канцлер из-за особенностей партийной системы не только осуществляет исполнительную власть, но и имеет фактически чуть ли не решающее значение в парламенте» [20, с. 63]. Дж.Р. Сол абсолютно прав: «В результате роли поменялись: исполнительная власть теперь все больше занимается постановкой целей, а законодательная чувствует себя обязанной соответствовать» [21, с. 336]. Идея правового государства в части организации государственной власти сформулирована в Основном Законе Германии очень своеобразно. В ст. 20 говорится о том, что «вся государственная власть исходит от народа. Она осуществляется народом путем выборов и голосований и через посредство специальных органов законодательства, исполнительной власти и правосудия. Законодательство связано конституционным строем, исполнительная власть и правосудие – законом и правом» [22, с. 162].

Что характерно, немецкие ученые разделение власти рассматривают обязательным элементом правового государства. Так, Г. Бруннер и Ф. Хеффер утверждают, что «принцип разделения власти, т.е. расчленение неделимой государственной власти на отдельные функции, заложен в конституцию каждого правового государства» [23, с. 49]. Но как понимать такое разделение властей, если, например, члены федерального правительства почти всегда являются одновременно и депутатами бундестага, а федеральный канцлер избирается этим органом? Более того, одна половина судей Федерального Конституционного Суда избирается бундестагом, а другая половина – федеральным правительством, но и бундестаг, и правительство, как правило, сформированы партией, получившей большинство на парламентских выборах. Все эти политические комбинации, с нашей точки зрения, не имеют никакого отношения к принципу разделения властей, как это принято понимать в традиционном смысле. От теории Ш.-Л. Монтескье в такой интерпретации остались, как говорится, лишь «рожки да ножки». Иными словами, в Германии (как и во Франции) провозглашенный принцип о разделении властей носит во многом фиктивный характер. Почему так происходит? На взгляд В. Е. Чиркина, «современные условия развития государственности и права требуют не просто повторения замечательных лозунгов (напомним, что это идеи, возникшие в большинстве своем в глубинах XVII – XVIII вв. – А.П.), но их нового прочтения и переосмысления» [24, с. 4].

Получается, в США принцип разделения властей нигде не прописан, но законодательно проведен через все важнейшие конституционные положения и неуклонно реализуется на практике (к тому же, как правило, если президент – республиканец, то в конгрессе большинство будет за демократами, и наоборот. Но это уже не юридическая норма, а политическая традиция, очень красноречивая в свете изучения механизма «сдержек и противовесов»). Во Франции и Германии законодательство (в первом случае) и

юридическая доктрина (во втором) провозглашают принцип разделения властей, но в действительности при внимательном рассмотрении конституционных текстов ничего похожего на данный принцип не обнаруживается. Поэтому говорить о безусловном примате «разделения властей» при организации управления государством – значит не знать истинного положения вещей.

Конечно, теория разделения властей как важнейший принцип правового государства претерпела значительную эволюцию со времен Локка и Монтескье, но не подлежит сомнению, что в рассмотренных странах конституционная идея правового государства нашла воплощение в таких нормативно-юридических конструкциях, которые при сравнительно-правовом анализе выявляют принципиальную многовариантность в вопросах организации и функционирования государственной власти. Идея-принцип получила развитие в трех разных нормативных вариациях, но все это вписывается в наши представления о правовом государстве. Главное, чтобы такие юридические «маневры» не девальвировали идею правового государства как важнейшую его конституционную характеристику, но в таком случае критерием истины может служить лишь реально складывающаяся практика.

Итак, конституционный принцип правового государства является его важнейшей сущностной характеристикой. Такое признание позволяет говорить и о тех принципах, которые аккумулируют общие ценности, воспринятые конституционно-правовыми системами большинства демократических государств (свобода личности, народное представительство, верховенство конституции), и их возможных модификациях, ориентированных на конкретно-исторические условия той или иной страны (баланс властных полномочий, верховенство парламента, доминирующая роль главы государства). По сути, принципы предопределяют общее и особенное в конституционно-правовом регулировании, выступают основной важнейших институтов конституционного права. Однако, в зависимости от значимости и систематизирующей роли принципы можно выстроить по уровням. За основу классификации можно взять подход Н.А. Богдановой [4, с. 173] с адаптацией на белорусскую специфику.

Первый уровень – *фундаментальные принципы*. Их закрепление через нормы Конституции предопределяет значимость для всех отраслей права в качестве правовых ориентиров. Например, это принцип, характеризующий государство – «Республика Беларусь – унитарное демократическое социальное правовое государство» (ст. 1 Конституции Беларуси); определяющий отношение к идеологии – «Идеология политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социальных групп не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан» (ч. 2 ст. 4 Конституции Беларуси); устанавливающий статус собственности – «Собственность может быть государственной и частной» (ч. 1 ст. 13 Конституции Беларуси). Такие нормы российский автор Е.О. Мадаев [25, с. 141] называет «конституционно-доктринальными».

Второй уровень – *общие конституционно-правовые принципы*. Они значимы для конституционного права в целом и характеризуют его предмет. Это те же фундаментальные принципы, но ориентированные на предмет конституционного права (принципы верховенства конституции, прав человека как высшей ценности, народовластия). Фундаментальные и общие принципы формализуются в основах конституционного строя, получающих закрепление в конституционных нормах или вытекающих из их смысла. При этом принципы конституционного строя как наиболее широкие обобщения комплексного характера предопределяют, составляют базу и дают начало принципам всех блоков конституционно-правового значения.

Третий уровень включает *базовые (блоковые) принципы* – направляющие идеи, которые являются системообразующими в основных предметных сферах (нормативных блоках) конституционного права. К ним относятся принципы организации и осуществления власти, государственного устройства и административно-территориального деления, системы органов государственной власти.

Четвертый уровень составляют *специальные принципы*, связанные с конкретными конституционно-правовыми институтами и развивающие идеи, заложенные фундаментальными, общими и базовыми принципами (принципы гражданства, избирательного права, статуса депутатов, организации работы Национального собрания).

Верно отмечено [4, с. 174], что один и тот же принцип может относиться к различным уровням. Так, принцип равноправия в широком смысле идейно проявляет себя как необходимый атрибут демократического правового государства, что причисляет его к разряду фундаментальных и общих принципов. Вместе с тем он включается в систему принципов, определяющих в демократическом государстве конституционно-правовой статус личности (равноправие граждан), а также, например, принципов, устанавливающих в двухпалатном законодательном органе правовое положение палат (как правило, их равноправие).

Среди всех принципов по значимости и роли выделяются принципы конституционного строя – наиболее общие идеи, определяющие устройство государств и общества, наполняющие содержанием и отражающие особенности конституционного строя конкретного государства. Такие принципы-идеи об устройстве государства и общества являются плодом конституционно-правовой мысли, но, будучи почерпнуты из конституционно-правовой действительности и обогащены в процессе реализации, они пи-

тают и развивают эту мысль. В них соединяются теория и практика конституционного права, что находит подтверждение в нормативном закреплении принципов (основ) конституционного строя.

В Республике Беларусь основы конституционного строя закреплены в Основном Законе непосредственно и систематизировано. И.И. Пляхимович [26, с. 82] предлагает различать *общеотраслевые, полиинституциональные* и *институциональные* принципы. Первые регулируют основы отношений, входящих в предмет всех конкретных конституционно-правовых институтов (принципы демократического государства, гуманизма, верховенства права, народного суверенитета). Вторые являются отправными для нескольких, но не всех институтов отрасли (законность в деятельности государства, равноправие, свобода хозяйственной и предпринимательской деятельности). Третьи принципы составляют основу конкретных институтов конституционного права (разделение властей, унитаризм, нейтралитет).

Значение Раздела I «Основы конституционного строя» исключительно велико. Несмотря на то, что конституционные принципы закрепляются в общей форме, они закладывают фундамент конституционного строя, раскрываясь затем в последующих разделах и главах Конституции Республики Беларусь. Например, закрепленный в ст. 7 Основного Закона общеотраслевой принцип верховенства права находит продолжение и конкретизацию в ст. 112, где говорится о том, что «суды осуществляют правосудие на основе Конституции и принятых в соответствии с ней иных нормативных актов».

Особый статус конституционных принципов подчеркивается по-разному. Удачным можно считать опыт РФ, где в Основном Законе содержится важное указание в ч. 2 ст. 16: «Никакие другие положения настоящей Конституции не могут противоречить основам конституционного строя Российской Федерации» [27]. Как полагает М.В. Баглай, «это свидетельствует о том, что они пользуются наивысшей юридической силой» [17, с. 99]. Отсюда можно сделать вывод о том, что положения, содержащиеся в разных разделах и главах Конституции РФ, имеют разную силу внутри самого Основного Закона, а понимать и толковать их можно только в соответствии с основами конституционного строя. В этой связи представляют интерес рассуждения И.В. Лексина [28, с. 2] о «действительных» и «мнимых» конституционных принципах российской правовой системы. С.Э. Несмеянова [29, с. 75] логично предположила, что и Конституционный Суд при официальном толковании Конституции также должен учитывать приоритет основ конституционного строя. Мы разделяем эту точку зрения. Но что показала практика конституционного правосудия? В своем определении от 28 декабря 1995 г. №137-О [29, с. 75] Конституционный Суд Российской Федерации отказался оценивать «конституционность конституционных норм», хотя многократно оценивал соответствие положений тех или иных нормативных актов основам конституционного строя по самым разным направлениям при осуществлении своих полномочий. В Республике Беларусь Конституция не содержит положения, аналогичного российскому, поэтому о нормативном «ранжировании» конституционных принципов говорить сложно, хотя термин «основы» (конституционного строя) нацеливает на понимание приоритетности положений, включенных в Раздел I Основного Закона.

Доминирующий характер конституционных принципов-основ может быть объяснен и тем обстоятельством, что Конституция Беларуси закрепляет невозможность их изменения иначе, как в особом порядке, установленном ст. 140 Основного Закона: «Раздел I... может быть изменен только путем референдума». Такой намеренно усложненный порядок призван утвердить конституционные принципы-основы максимально стабильными. Поэтому рассмотренные положения Раздела I Конституции Беларуси можно считать наиболее важными и вследствие этого нуждающимися в особой юридической и процессуальной защите, в т.ч. от временных, текущих обстоятельств. Это один из факторов устойчивости конституционного строя, столь необходимой для нормального развития общества и государства.

Конституционные принципы имеют системный характер, и для выделения их по группам предлагаются разные подходы. Чаще всего критерием классификации выступает сфера общественных отношений, в которой складываются те или иные принципы, т.е. их предметная определенность. Например, С.А. Авакьян предполагает, что «общество и государство должны иметь *устои*, отражающие характер государства, общества и общественных отношений, власти, положения человека и гражданина, политического режима, собственности и форм хозяйствования» [30, с. 316]. Е.И. Козлова и О.Е. Кутафин идейные основы Российской Конституции видят в политической, экономической, социальной и духовной сферах [31, с. 101 – 173]. По мнению М.В. Баглая, принципы подразделяются «на четыре основные группы: гуманистические основы конституционного строя; основные характеристики Российского государства; экономические и политические основы конституционного строя; основы организации государственной власти» [17, с. 99]. И.И. Пляхимович считает, что «основы конституционного строя Республики Беларусь можно свести к трем главным положениям: народовластие, свобода, равенство» [26, с. 114].

По нашему мнению, видовое разнообразие конституционных принципов может быть представлено в зависимости от того, какую систему общества они формируют в «идейном» плане. В самом общем плане любое современное общество включает: 1) *политическую систему* (государство, политические партии и движения, общественные объединения и иные субъекты, участвующие в политическом процессе); 2) *социальную систему* (общности, группы, социальные слои, связи и отношения между ними);

3) *экономическую систему* (экономические институты и структуры, отношения собственности); 4) *систему духовной жизни* (культура, образование, наука, иные разнообразные блага и ценности); 5) *правовую систему* (взятые в единстве субъекты права, правоотношения, юридическая практика, правосознание и иные правовые средства, с помощью которых осуществляется воздействие на поведение людей). Применительно к указанным сферам рассмотрим системообразующие для них конституционные принципы, сделав при этом необходимую оговорку.

Разделяя тезис о правовых принципах как юридических закономерностях, В.М. Сырых [12, с. 65] верно отмечает, что далеко не все положения, квалифицируемые как правовые принципы, отражают юридические закономерности. По его мнению, систему правовых принципов и принципов права в настоящее время составляют достаточно разнородные положения правоправедения и других социальных наук, в том числе:

- экономические законы и принципы (закон распределения материальных благ по труду в соответствии с его количеством и качеством, принцип многообразия форм собственности, приоритет сельскохозяйственного использования земель);
- политические принципы (народовластие, политический и идеологический плюрализм, подотчетность власти);
- этические категории (справедливость, гуманизм);
- правовые принципы (законность, равноправие граждан перед законом, сочетание убеждения и принуждения, неразрывная связь прав и обязанностей, ответственность за вину).

Указанные экономические, политические, социальные, этические закономерности, принципы и категории находят свое выражение в текстах большинства конституций. Они обуславливают сущность и содержание основного закона, но все же остаются внешними факторами по отношению к праву. Важно понимать, как та или иная закономерность действует в конституционной сфере, видеть механизмы и результаты такого влияния.

Поэтому юристу, изучающему конституцию, важно знать не только саму закономерность (мы говорим сейчас о неправовых принципах), но и то, в каких юридических свойствах основного закона она отражается, какие конкретно модификации именно этих свойств могут произойти в конституции вслед за определенными изменениями в соответствующих сферах и каковы критерии, позволяющие определить соответствие того или иного конституционного положения социальному содержанию отношения. В Беларуси по данному вопросу отметим позицию С.Г. Дробязко, который насчитал и перечислил 46 правовых принципов [32, с. 79], а относительно их содержания предлагает различать собственно-юридические, нравственно-правовые, экономико-правовые, эколого-правовые и политико-правовые принципы. Уточним, однако, что ученый говорит о максимально возможном «охвате» всех правовых принципов, а не только конституционной сферы. Анализируя Конституцию Беларуси, Г.А. Василевич [33, с. 23 – 26] предлагает свой «набор» принципов правового демократического государства.

Перечисленные политические, социальные, экономические и этические (духовные) факторы лишь определенным образом трансформированы в конституционные принципы, и не случайно в тексте основного закона встречаются различные формы их выражения. С учетом сказанного последовательно рассмотрим конституционные принципы в политической, социальной, экономической, духовной и собственно юридической сферах.

1. В конституциях демократического типа сформулированы базовые положения, определяющие политические отношения (большинство их «созвучно» белорусским принципам): народовластия, т.е. участия народа в осуществлении государственной власти на всех уровнях и во всех областях общественной жизни (ст. 3 Конституции Беларуси, ст. 2 Конституции Франции); политического многообразия и многопартийности (ст. 5 Конституции Беларуси, ст. 13 Конституции России, ст. 11 Конституции Болгарии).

Обратим внимание, что в ст. 5 основного Закона Беларуси политическое многообразие и многопартийность переплетены с предписаниями, адресованными общественным объединениям, хотя они не создаются для решения политических задач и многие из них вообще далеки от политики. Дело в том, что общественное объединение может обратиться к политически значимым вопросам, обозначить свое отношение к государственной политике, выборам, референдуму, заявлениям государственных деятелей, кандидатам в депутаты. В отличие от политических партий, которые постоянно «пребывают» в политической жизни, общественные объединения эпизодически «включаются» в политический процесс для решения неополитических задач. Конституция содержит основу такой возможности. Можно вспомнить, как в 70-е годы в социалистической Польской Республике создавался профсоюз «Солидарность», впоследствии ставший мощнейшим политическим движением и победившим в 1989 году на национальных выборах. Лидеры «Солидарности» своевременно поняли, что без политических требований улучшить жизнь трудящихся невозможно, ввиду чего и перешли к использованию политических средств и методов при отстаивании интересов рабочих.

2. К общесоциальным конституционным принципам можно отнести: признание человека, его прав и свобод высшей ценностью в обществе и государстве (ст. 2 Конституции Республики Беларусь); признание неприкосновенным человеческого достоинства (ст. 1 Основного Закона ФРГ); равноправие людей независимо от их пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения (ст. 22 Конституции Беларуси, ст. 19 Конституции России, ст. 2 Конституции Франции).

3. В сфере экономических отношений формулировки конституционных принципов и их наполнение зависят от того, какая модель экономики доминирует в конкретном обществе. Возможно смешение «чисто» рыночных и государственно-централизованных начал. Для рыночной экономики характерны: равноправие всех форм собственности (ст. 13 Конституции Беларуси, ст. 8 Конституции России, ст. 4 Конституция Кыргызской Республики), свобода хозяйственной и экономической деятельности (ст. 13 Конституции Беларуси, ст. 41 Конституции Италии).

Но нередки случаи признания конституционных принципов и иного рода. Так, в ч. 5 ст. 13 Конституции Беларуси закреплено, что «государство осуществляет регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества, обеспечивает направление и координацию государственной и частной экономической деятельности в социальных целях». Такие положения встречаются и в «западных конституциях». В ч. 1 ст. 131 Конституции Испании сказано: «Государство посредством издания законов (*очень важная оговорка! – А.П.*) может планировать общую экономическую деятельность в целях удовлетворения коллективных потребностей, выравнивания и гармонизации регионального и секторального развития и стимулирования роста доходов и богатства, а также их наиболее справедливого распределения» [22, с. 331]. Сходное положение в Конституции Италии: «Закон определяет программы мероприятий и контроля, с помощью которых публичная и частная экономическая деятельность может быть направляема и контролируема в социальных целях» [22, с. 252]. Относительно белорусской ситуации согласимся с И. И. Пляхимовичем: «Названные принципы не реализуются в полной мере. Предприятия различных форм собственности функционируют не в одинаковых условиях. Кроме того, хозяйствующие субъекты даже частной формы собственности... далеко не самостоятельны в принятии решений» [26, с. 126]. Экономика, как известно, является самым точным индикатором для уяснения реального состояния дел.

4. К конституционным принципам, регулирующим духовную жизнь, в современных странах можно отнести: идеологический плюрализм (ст. 4 Конституции Беларуси, ст. 13 Конституции России, ст. 16 Конституции Испании); свободу выражения мнений и убеждений, слова и печати, совести (ст. 33 Конституции Беларуси, ст. 28, 29 Конституции России, поправка I к Конституции США, ст. 21 Конституции Японии); общедоступность и бесплатность базового (начального) образования (ст. 49 Конституции Беларуси, ст. 41 Конституции Литвы, ст. 34 Конституции Италии); свободу научной, преподавательской, литературной, художественной и иной творческой деятельности (ст. 51 Конституции Беларуси, ст. 44 Конституции России, ст. 16 Конституции Греции).

5. Особое место занимают конституционные принципы правовой системы общества. Они характеризуют правовую систему в целом и ее элементы (систему права, статус субъектов и т.п.), отражают закономерности их возникновения, развития и функционирования, специфику правового регулирования общественных отношений, раскрывают место и роль индивидов, коллективов и организаций, государства в качестве субъектов права, правоотношений и юридической практики. Очень необычно выстраивается система принципов в тех государствах, где отсутствует как таковая «писаная» конституция и велико влияние иных, помимо права, нормативных регуляторов. Характерен пример Израиля, где в Декларации о независимости 1948 г. закреплено положение о том, что «государство Израиль основано на принципе свободы, справедливости и мира в их понимании израильскими пророками» [34, с. 696]. Государственные деятели, политики, ученые этой страны утверждают, что «синтез двух принципов», провозглашенных в Декларации, должен способствовать тому, что «концепция еврейского государства» будет согласовываться с концепцией и принципами демократического государства. На основе этих ценностей судебной практикой, отмечает А. Барак, сформированы следующие принципы: «добросовестности, естественных прав, справедливости, разумности, беспристрастности, отсутствия конфликта интересов» [35, с. 88]. Что интересно, собственно юридические (регулятивные и охранительные) нормы там сравнивают с телом права, а ценностные принципы – с его душой. При таком подходе, и это объяснимо, велика роль судебного усмотрения в вопросах толкования права.

Все разнообразие принципов подвержено классифицированию. Мы отмечали, что И.И. Пляхимович при характеристике основ конституционного строя выделяет «общеотраслевые, полиинституциональные и институциональные принципы» [26, с. 82]. Представляют интерес и другие критерии, разработка которых отличается оригинальностью и новаторством. О них – в следующем номере «Вестника ПГУ».

Продолжение – в № 14

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь иностранных слов. – Гос. Изд-во Иностран. Нац. Словарей, 1949. – 808 с.
2. Общая теория государства и права. Академический курс. В 3 т. / Отв. ред. проф. М.Н. Марченко. – Т. 2. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Зерцало-М, 2001. – 528 с.
3. Кудрявцева, А.В. О понятии принципа в уголовном процессе / А.В. Кудрявцева, Ю.Д. Лившиц // Правоведение. – 2001. – № 4. – С. 162 – 170.
4. Богданова, Н.А. Система науки конституционного права / Н.А. Богданова. – М. : Юристъ, 2001. – 256 с.
5. Сильченко, Н.В. Понятие и виды источников современного белорусского права / Н.В. Сильченко // Вест. Конституц. Суда Респ. Беларусь. – 2006. – № 2. – С. 41 – 49.
6. Гаджиев, Г. Принципы права и право из принципов. Конституционные суды и законодательные органы – друзья и соперники на арене конституционной политики / Г. Гаджиев // Сравнительное Конституционное обозрение. – 2008. – № 2 (63). – С. 22 – 44.
7. Бондарь, Н.С. Конституционное правосудие и развитие конституционной юриспруденции в России / Н.С. Бондарь // Журнал рос. права. – 2011. – № 10. – С. 35 – 46.
8. Источники российского права: вопросы теории и истории : учеб. пособие / отв. ред. М.Н. Марченко. – М. : Норма, 2005. – 336 с.
9. Малеин, Н.С. Конституция – Закон прямого действия / Н.С. Малеин // Юрид. мир. – 1999. – № 4. – С. 48 – 52.
10. Малеин, Н.С. Правовые принципы, нормы и судебная практика / Н.С. Малеин // Государство и право. – 1996. – № 11. – С. 12 – 19.
11. Мурашко, Л.О. Нормотворческое пространство : проблемы правообразования в Республике Беларусь / Л.О. Мурашко. – Минск : Бел. наука, 2008. – 205 с.
12. Сырых, В.М. Логические основания общей теории права : в 2 т. Т. 1. Элементный состав / В.М. Сырых. – М. : Юстицинформ, 2000. – 528 с.
13. Хайек Фридрих, Август фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Фридрих Август фон Хайек; пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева ; под ред. А. Куряева. – М. : ИРИСЭН, 2006. – 644 с.
14. Козюбра, Н.И. Основные типы правопонимания, их значение для осмысления форм бытия права и взаимоотношений между ними / Н.И. Козюбра // Генетические закономерности права: сб. науч. трудов, посвящ. 90-летию со дня рождения проф. С.Г. Дробязко. – Минск : Бизнесофсет, 2013. – С. 49 – 58.
15. Иванов, В.В. Принцип разделения властей в Конституции США 1787 г. и Конституции Франции 1791 г. : сравнительный анализ // Государство и право. – М. : Наука, 2000. – № 12. – С. 80 – 84.
16. Исполнительная власть, судебная власть и учредительная власть во Франции : информ. и учеб. материалы / Ж.-Б. Оби [и др.] ; под ред. М. Верпо. – М. : Франц. организация техн. сотр-ва Посольства Франции в Москве, 1993. – № 8. – 118 с.
17. Баглай, М.В. Конституционное право Российской Федерации : учебник для юрид. вузов и факультетов. – М. : НОРМА, 2000 – 776 с.
18. Колобаева, Н.Е. Президент Российской Федерации в системе разделения властей / Н.Е. Колобаева. – 2004. – № 4. – С. 27 – 35.
19. Авакьян, С.А. Конституция России : природа, эволюция, современность / С.А. Авакьян. – 2-е изд. – М. : РЮИД, Сашко, 2000. – 528 с.
20. Зорькин, В.Д. Современный мир, право и Конституция / В.Д. Зорькин. – М. : Норма, 2010. – 544 с.
21. Сол, Дж. Р. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе / Дж. Р. Сол ; пер. с англ. А.Н. Сайдашева. – М. : АСТ : Астрель, 2007. – 895 с.
22. Конституции зарубежных государств / сост. проф. В.В. Маклаков. – 2-е изд., исправ. и доп. – М. : БЕК, 1999. – 584 с.
23. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа. – М. : Стелс-БИМПА, 1995. – 304 с.
24. Чиркин, В.Е. Общечеловеческие ценности и современное государство / В.Е. Чиркин // Гос-во и право. – 2002. – № 2. – С. 5 – 13.
25. Мадаев, Е.О. Понятие правовой доктрины как источника конституционного права / Е.О. Мадаев // Правовая политика и правовая жизнь. – 2007. – № 3. – С. 134 – 141.
26. Пляхимович, И.И. Основы конституционного строя : теория института / И.И. Пляхимович. – Минск : Право и экономика, 2008. – 160 с.
27. Бархатова, Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Е.Ю. Бархатова. – М. : ТК Велби; Проспект, 2008. – 256 с.

28. Лексин, И.В. «Действительные» и «мнимые» конституционные принципы / И.В. Лексин // Конституц. и муниципаль. право. – 2013. – № 10. – С. 2 – 6.
29. Несмеянова, С.Э. Судебная практика Конституционного Суда РФ с комментариями / С.Э. Несмеянова. – М. : ТК Велби ; Проспект, 2007. – 480 с.
30. Авакьян, С.А. Конституционное право России : учеб. курс. В 2 т. Т. 1 / С.А. Авакьян. – М. : Юрист, 2005. – 719 с.
31. Козлова, Е.И. Конституционное право России : учебник / Е.И. Козлова, О.Е. Кутафин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : ТК Велби ; Проспект, 2007. – 608 с.
32. Дробязко, С.Г. Юридическая природа гармонизации законодательства в процессе его совершенствования. В 2 т. Т. 1. Национальное законодательство и его гармонизация с правом Европейского Союза : сб. науч. тр. / С.Г. Дробязко // Нац. государственность и европейские интеграц. процессы ; Бел. гос. ун-т, юрид. фак. ; редкол. : С.А. Балашенко [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2008. – С. 77 – 82.
33. Василевич, Г.А. Источники белорусского права: принципы, нормативные акты, обычаи, прецеденты, доктрина / Г.А. Василевич. – Минск : Тесей, 2005. – 136 с.
34. Марченко, М.Н. Источники права : учеб. пособие. – М. : ТК Велби ; Проспект, 2005. – 760 с.
35. Барак, А. Судейское усмотрение / А. Барак ; пер. с англ. – М. : НОРМА, 1999. – 376 с.

Поступила 09.10.2014

**CONSTITUTIONAL PRINCIPLES AND THE PRINCIPLES OF THE CONSTITUTION:
METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LAW PHENOMENA DIFFERENTIATION**

A. PUGACHEV

The reasons of a polysemy of the term “principle” and the main methodological approaches to studying of a problem of the principles in legal literature are considered. At the heart of research there is a need of distinction of the principles as legal establishments (norms) and principles as legal ideas (beginnings) embodied in doctrinal constructions. Depending on the importance of a backbone role of the principles the most widespread classification characteristics are provided. The main attention is paid to the principles of the constitutional system, problems of their systematization. The constitutional principles in refraction on the Basic Law of Belarus are considered in political, social, economic and legal spheres. As shown in concrete examples, the constitutional principles ideas being not fixed in the text of the Basic Law really predetermine the content of all norms of system of the right.